

Л. М. Чичагов

Талергофский Альманах.

Выпуск 3. Талергоф. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. М. Чичагов**
Талергофский Альманах.: Выпуск 3. Талергоф. Часть 1 / Л. М. Чичагов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 166 с.

ISBN 978-5-458-53913-5

Памятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время Всемирной войны 1914-1917 гг.

ISBN 978-5-458-53913-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ III ВЫПУСКУ.

Осенью 1928 г., 31-го октября, состоялся во Львовѣ грандіозный Талергофскій Съѣздъ: всенародная поминальная манифестація Галицкой Руси, посвященная памяти уже погибшихъ многихъ жертвъ австрійскаго военнаго и довоеннаго террора, нѣскольколѣтнихъ узниковъ Талергофа, Теревина и др. австро-венгерскихъ тюремъ и концентраціонныхъ лагерей, и чествованію немногихъ изъ нихъ оставшихся еще въ живыхъ.

Въ Съѣздѣ приняло участіе нѣсколько тысячъ человекъ, представителей всѣхъ уголковъ Галицкой Русч, какъ интеллигенціи, такъ и крестьянства, были также делегаты Закарпатской Руси и представители Волини и др. русскихъ земель въ Польшѣ.

Программа, содержаніе и ходъ торжествъ Съѣзда, постановленія и революціи его, представлены въ вышедшихъ послѣ него н-рахъ галицко-русской печати (газ. „Русскій Голосъ“, „Земля і Воля“, „Наука“ О-ва им. М. Качковскаго) и русской заграничной. Въ числѣ цѣлаго ряда вынесенныхъ постановленій Съѣзда, обсуждено и принято было и то, что слѣдуетъ, пока еще не поздно, повести и усилить собраніе матеріаловъ для исторіи мученичества галицко-русскаго народа до и во время всемірной войны за свою національную русскую идею, народность и вѣру, и продолжать изданіе Талергофскаго Альманаха, первые два выпуска котораго уже напечатаны — первый въ 1924 г., второй въ 1925 г.

Съѣздомъ былъ выбранъ особый, постоянно дѣйствующій исполнительный органъ — Талергофскій Комитетъ, который, послѣ своего устроенія, явился и принялся за работу въ слѣдующемъ составѣ:

Предсѣдатель: сов. суда Антонъ Осиповичъ Гулла.

I. Тов. предсѣд.: Зиновій Михайловичъ Медыцкій.

II. „ „ Стефанія Ивановна Кунинская.

I. Секретарь: д-ръ Василій Романовичъ Ваврикъ.

II. „ „ студ. унив. Романъ Григорьевичъ Максимовичъ.

Члены: сов. суда Николай Григорьевичъ Третьякъ.

„ д-ръ Юліанъ Семеновичъ Заяцъ.

„ Лука Константиновичъ Старикій (изъ Знесеня).

„ свящ. о. Романъ Чайковскій (изъ Батятичъ).

„ „ о. Іоаннъ Билинкевичъ (изъ Грибовичъ).

Воспользовавшись предоставленнымъ при выборѣ правомъ кооптаціи, Комитетъ включилъ въ свой составъ и рядъ другихъ лицъ, редакцію же Талергофскаго Альманаха поручилъ С. Ю. Бендасюку.

Свои засѣданія устраивалъ Комитетъ часто (обычно разъ въ недѣлю или разъ въ 2 недѣли) и сообщенія о ходѣ его работъ помѣщались въ гал.-рус. печати. Комитетъ обращался въ своихъ заявленіяхъ и воззваніяхъ къ гал.-рус. общественности, и особенно къ бывшимъ узникамъ Талергофа, Терезина и др. мѣстъ заключенія, съ просьбой присылать записки и вообще матеріалы къ исторіи преслѣдованій и гоненій гал.-рус. народа въ б. Австро-Венгріи, для помѣщенія въ его Альманахѣ. Многіе откликнулись присылкой записокъ своихъ или же своихъ близкихъ, родныхъ и знакомыхъ. Кромѣ этого, Комитетомъ ведутся и пополняются возможно самые точные списки пострадавшихъ.

Въ подлежащемъ выпускѣ помѣщены матеріалы, частью раньше уже полученные, но еще не использованные, частью же полученные въ послѣднее время.

Весь выпускъ посвященъ и отведенъ матеріаламъ, относящимся исключительно только къ Талергофу, и появляется теперь какъ первая часть ихъ, за которой послѣдуютъ дальнѣйшія, съ заключительнымъ оглавленіемъ всѣхъ частей.

Помѣщается же въ этихъ частяхъ Альманаха не исторія Талергофа, а только сырые матеріалы для будущей исторіи его, именно человѣческіе документы и памятники Талергофской Голгофы галицко-русскаго народа, въ такомъ видѣ, въ какомъ получены, съ незначительными только языковыми, орфографическими и др. грамматическими поправками. Неизбѣжно притомъ вкрадывающіяся неточности, ошибки, пропуски и др. под. недостатки, вполне окупаются цѣнностью и вѣрностью помѣщаемаго матеріала.

Подлинники документовъ обыкновенно, и въ частности по требованію, возвращаются, послѣ использованія, приславшимъ ихъ авторамъ и вообще собственникамъ, или же ихъ роднымъ и знакомымъ, причемъ высказывается просьба объ указаніи возможныхъ неточностей и ошибокъ и представленіи поправокъ и дополненій. Полученныя до сихъ поръ таковыя поправки и дополненія къ предыдущимъ (I и II) выпускамъ тщательно сличаются и провѣряются и будутъ впоследствии также помѣщены.

Изданіе Альманаха влечетъ за собой громадныя расходы, за отсутствіемъ же и совершенной невозможностью полученія какихъ бы ни было постороннихъ средствъ на ихъ покрытіе, эти расходы покрываются исключительно только сборами пожертвованій, и потому продолженіе, расширение и улучшеніе и даже темпъ изданія зависятъ лишь отъ отзывчивости и жертвенной щедрости галицко-русской общественности, которая — вѣримъ и уповаемъ — не пожалѣетъ трудовъ, стараній и средствъ, чтобы оно, какъ народный памятникъ, было ея достойно.

Въ заключеніе остается только высказать глубокую благодарность всѣмъ тѣмъ, кто нравственно и матеріально поддерживаютъ его, и искреннюю признательность тѣмъ, кто лично и непосредственно участвуютъ въ немъ, какъ присылкой матеріаловъ, такъ и сотрудничествомъ въ ихъ помѣщеніи.

Львовъ мартъ м., 1930 г.

Жизнь въ Талергофѣ.

Сообщеніе Ил. С. Гошовскаго изъ Станиславова.

Въ Талергофѣ очутились мы 4 сентября. Послѣ опредѣленія мѣста нашему транспорту въ чистомъ полѣ, конвойные назначили кольями предѣльные границы, въ которыхъ мы должны были оставаться до дальнѣйшаго распоряженія. Каравулившіе арестованныхъ солдаты 27 градецкаго полка срывали пуговицы и кокарды съ чиновниковъ, находившихся среди арестованныхъ. Не обошлось тутъ и безъ трагикомедій. Пуговицы съ двуглавымъ австрійскимъ орломъ, крѣпко пришитыя къ мундиру, никакъ не отрывались. Озлобленные солдаты тянули тогда арестованнаго за собой, держа его за пуговицу до тѣхъ поръ, пока таковая не оторвалась вмѣстѣ съ кускомъ мундира.

Я отдѣлался нѣсколькими молниеносными ударами въ лицо, полученными отъ тѣхъ-же солдатъ. Немного въ сторонѣ отъ расположившагося нашего эшелона было назначено мѣсто для естественныхъ потребностей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Женщины собирались туда по нѣсколько человекъ вмѣстѣ, чтобы такимъ образомъ хоть отчасти, за отсутствіемъ огражденнаго прикрытія, удовлетворить чувство стыдливости. Въ такихъ случаяхъ солдаты всячески изводили женщинъ. Они умышленно сопровождали женщинъ въ отхожія мѣста и, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, позволяли себѣ неподдающіяся, печатанію выходы, приводившія женщинъ до

слезъ и истерики. Не-кому было пожаловаться, ибо начальникъ стражи, капитанъ нѣмецъ, былъ хуже своихъ подчиненныхъ.

Въ тотъ-же день закололи солдаты троихъ крестьянъ, не знавшихъ нѣмецкаго языка, за неисполненіе приказаній и тутъ же ихъ зарыли въ общую яму, положивъ на головы мѣшокъ наполненный пескомъ.

Вечеромъ опасно заболѣла моя дочь, не ѣвшая въ теченіе нѣсколькихъ дней, за отсутствіемъ казенной пищи, и собственныхъ средствъ. Благодаря д-ру Могильницкому, ее привели въ чувство. Затѣмъ мы прикрыли ее рясами священниковъ о. Григорія Процыка и о. Луки Иванцева. Ночи въ Талергофѣ бываютъ въ сентябрѣ туманныя и холодныя, а дочь вывезли изъ дому въ одной лѣтней блузѣ.

На слѣдующій день вечеромъ поданъ былъ теплый супъ. За неимѣніемъ посуды каждый устраивался, какъ могъ. Кто подбиралъ лежащія пустыя бутылки и, отбивъ горлышко, пользовался ими вмѣсто котелка, другіе дѣлали углубленія въ кускахъ хлѣба и наливали туда казенную жидкость. Громадное большинство осталось безъ обѣда.

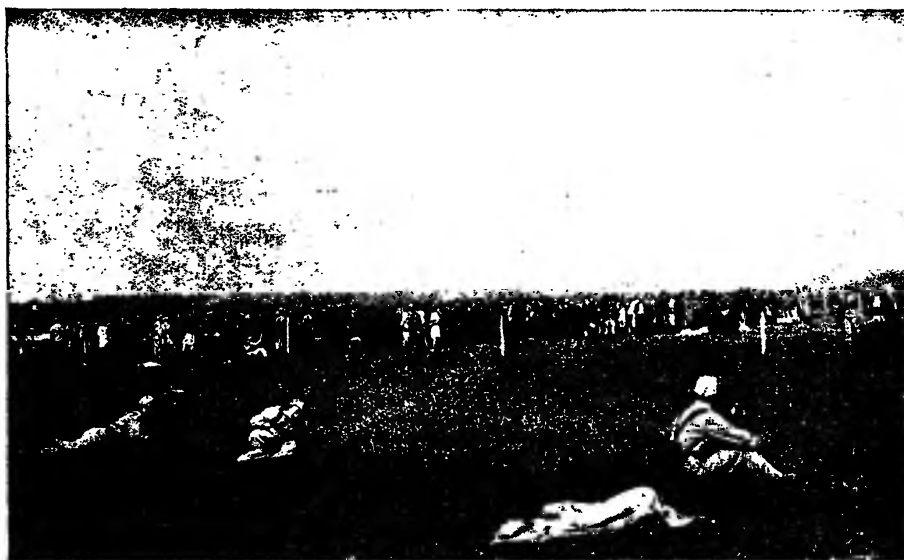
Черезъ день дочь опять упала безъ чувствъ вслѣдствіе голода и физическаго истощенія. Въ ту пору подѣхали къ нашему расположенію автомобили со стирійскимъ намѣстникомъ и его свитой. Приѣхавшіе заинтересовались лежащей безъ памяти дочерью; въ особенности одинъ изъ нихъ, приѣхавшій съ женой и дѣтьми, послѣ краткихъ переговоровъ съ намѣстникомъ и

комендантомъ лагеря велѣлъ отнести больную на кухню и напоить чорнымъ кофе, чтобы усилить дѣятельность сердца. Исполнили приказаніе два санитары: Joseph Schönherr, учитель изъ Ebendorf-a въ Каринтіи, и Joseph Podgorszek, желѣзнодорожникъ изъ Градца, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ солдатъ. Когда дочь пришла въ себя спросила гуманнаго незнакомца, кому должна быть благодарна за человѣческое съ ней обращеніе. Спрошенный, не имѣя визитной карточки, написалъ карандашомъ на моей молитвенной книжкѣ: Graf Joseph Herberstein.

Съ тѣхъ поръ графъ Герберштейнъ и его супруга, по національности чешка, часто навѣдывалие въ лагерь, расходуя громадныя средства для помощи арестованнымъ галичанамъ. Въ тотъ-же день еще графъ Герберштейнъ вторично приѣхалъ изъ Градца въ лагерь и привезъ больной дочери подушку и ватное одѣяло, а графиня постоянно присылала молоко и продукты. По одѣялу получили также престарѣлый о. Дольницкій изъ Львова, д-ръ Могильницкій изъ Бучача, о. д-ръ Козаркевичъ изъ Буковины и еще одинъ православный священникъ. Часто графиня приѣзжала со своими дѣтьми въ лагерь и привозила бѣлье для арестантскихъ дѣтей, а когда умерли двѣ заключенныхъ матери изъ Сянока, оставивъ въ лагерѣ маленькихъ сиротъ, графиня Герберштейнъ кормила ихъ собственной грудью. Наконецъ дождались мы перевода съ поля въ бараки. Предварительно купали насъ въ лагерной банѣ, за-

ставляя раздвигаться на дворъ и послѣ купели ждать полчаса своей одежды, находившейся въ дезинфекціонномъ котлѣ. Многіе простудились, послѣдствіемъ чего явилась эпидемія сыпного тифа, уносящая ежедневно по 30—40 жертвъ. Графу запрещено пріѣзжать въ Талергофъ во избѣжаніе распространенія болѣзни внѣ лагеря. Такъ жили мы до мая мѣсяца 1915 г.

еще въ прошломъ году, о чемъ онъ не замедлилъ сообщить ей письменно еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Конечно сейчасъ-же нашлось и письмо, задержанное офицеромъ, завѣдующимъ талергофской почтой. Въ непродолжительное время дочь оставила лагерь, получивъ мѣсто гувернантки въ домѣ графа. Учила дѣтей русскому языку, а въ свободное время навѣщала меня и со-

Первые часы заключенія.

Къ пасхѣ послалъ я графу поздравительную телеграмму въ Градцъ отъ своего и дочери имени. На второй день праздниковъ позвали дочь къ телефону въ лагерной канцеляріи. Графъ сильно удивился, что она до сихъ поръ находится въ Талергофѣ, завѣривъ ее, что его стараніями она освобождена

дѣйствовала перепискѣ заключенныхъ съ ихъ родными.

Въ 1917 году 27-е марта меня отпустили изъ Талергофа и поселили въ Gross Florian k. Deutschlandsberg въ Сиріи. Въ августѣ мѣсяцѣ, послѣ долгихъ стараній, меня приняли обратно на желѣзнодорожную службу.

Изъ дневника о. Григорія Макара.

(с. Минеральные Угерцы, Львскій уѣздъ.

Талергофъ, небольшая мѣстность, передъ войной никому неизвѣстная, представляетъ же собой довольно широкую равнину, окруженную со всѣхъ сторонъ высокими Альпами. Эту мѣстность назначили австрійцы для русскихъ галичанъ, заподозрѣнныхъ въ государственной измѣнѣ.

Первый транспортъ въ составѣ 2000 человекъ обоого пола прибылъ сюда 4 сентября 1914 года изъ Львова. Четверо сутокъ держали людей подъ открытымъ небомъ, окруживъ узниковъ живымъ кольцомъ жандармовъ и солдатъ. Рядомъ съ гангарами, въ которыхъ размѣстили народъ, разбили большія палатки, служившія также помѣщеніемъ для интернированныхъ. Мѣста не хватало, было тѣсно. Уборная устроена была сзади помѣщений, на голомъ мѣстѣ, безъ всякаго прикрытія.

12-го сентября пріѣхалъ эшелонъ изъ Сянока, состоявшій изъ 150 человекъ, большей частью интеллигенціи. Съ ними пріѣхалъ и я съ моими прихожанами. Въ баракъ, въ которомъ насъ помѣстили, находилось 30 человекъ изъ Царства Польскаго. Въ отхожее мѣсто ходили въ сопровожденіи стражника. Ложились спать въ три ряда: въ первомъ помѣщеніи находились старики и женщины, во второмъ молодёжь, въ третьемъ крестьяне.

Утромъ велѣли итти на прогулку вокругъ помѣщенія. Первый разъ тутъ увидѣлъ покойника, котораго на носилкахъ, безъ гроба,

несли свои-же люди въ сопровожденіи двухъ караульныхъ на кладбище. По истеченіи двухъ недѣль студенты организовали хоръ. Сперва спѣли обѣдню безъ священника, а въ праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста разрѣшили власти устроить на дворѣ моленіе передъ крестомъ, сколоченнымъ изъ деревашекъ. Послѣ моленія разрѣшено кое-кому со средствами сходить въ лагерный буфетъ, опять таки подъ надзоромъ солдата. А новые эшелоны съ каждымъ днемъ прибывали въ Талергофъ. Приблизительно въ концѣ сентября я увидѣлъ между вновь прибывшими свѣжую партію своихъ прихожанъ, а именно: арестованную первоначально со мною и освобожденную въ Сянокъ Скальчиху, Ивана Гриба, Михаила Биндаса, Іосифа Устіановскаго, Марію Дикъ, съ дочкою Анною, и изъ дочерняго села Руденки Михаила Мельника, Іосифа Ткача, Іосифа Биковскаго, Ивана Ганчака, Михаила Присташа, Михаила Мацькова, Михаила Чернѣгу. Въ то время на-спѣхъ строили новые бараки съ сѣверо-восточной стороны талергофской долины. Въ продолженіи осени и зимы построено ихъ на пространствѣ 2 km. 80 штукъ, въ три ряда съ тремя промежуточными улочками. Два ряда назначили для здоровыхъ узниковъ и подъ кухни, а третій рядъ подъ лазареты. По срединѣ часовенка и два рестораника, а въ сторонѣ отдѣленія для заразныхъ и двѣ мертвецкія. Въ третьемъ ряду, по срединѣ, на-

ходилась большая баня съ дезинфекціоннымъ отдѣленіемъ. Позже построили рядомъ съ баней часовенку въ греческомъ стилѣ для православныхъ. На главной улицѣ построено два бассейна съ фонтанами, вездѣ в нутри бараконъ и по улицамъ проведено электрическое освѣщеніе и водопроводы, кромѣ того устроено нѣсколько колодезей и два ряда уборныхъ съ передѣлами изъ бетона. Собственно говоря, Талергофъ принялъ европейскій видъ въ началѣ 1916 года. Въ южной сторонѣ построено 30 бараконъ для охраны, съ пекарнями и канцеляріями.

Новыя встрѣчи.

5-го октября переведено 600 человекъ изъ гангаровъ въ палатки. Ночь была холодная, около 4 градусовъ ниже нуля. Здѣсь встрѣтился я со своими прихожанами изъ Руденки. Утромъ велѣли интеллигенціи идти въ баню. Раздѣвались на дворѣ, одежду отдавали въ дезинфекцію, а послѣ купели ждали на морозѣ выдачи одежды, послѣдствіемъ чего были массовыя заболѣванія. Послѣ бани намъ отвели мѣста въ баракѣ.

Было здѣсь 180 человекъ изъ интеллигенціи. Я помѣстился вмѣстѣ со своими школьными товарищами Феофиломъ Хомицкимъ и Михаиломъ Вербицкимъ, съ сыномъ, кончившимъ гимназію. Тутъ устроился довольно "комфортабельно" благодаря подушкѣ, присланной сыновьями изъ Терезина, гдѣ они находились также на правахъ интернированныхъ. Такимъ образомъ улучшилась моя постель. Имѣя шинель, пальто и подушку, можно было въ теплѣ

отдохнуть. Пища была незавидная, но выдавалась довольно правильно. Утромъ кминный супъ или черный кофе, въ полдень кукурузная или перловая каша, вечеромъ кофе или чай съ хлѣбомъ.

Мои прихожане остались жить въ палаткахъ, только Мих. Лешега и Ив. Ганчакъ очутились между нами. Часто встрѣчался я съ Ив. Грибомъ и со Скальчихой. Поддерживали другъ друга надеждой. Получивъ по почтѣ нѣсколько коронъ отъ сына, обзавелся полотенцемъ и гребешкомъ, а когда г.г. Евстахій и Платонъ Калужняцкіе стали присылать ежемѣсячно по 10-20 коронъ, купилъ себѣ бѣлье. Безъ этой помощи пришлось бы погибать. Велъ частую переписку съ сыновьями.

Въ концѣ октября прибыла новая партія интеллигенціи въ первый десятокъ бараконъ, а между ними четыре мои прихожанки: Анна Курбабичъ, Анна Лешега, Марія Биндакъ и Розалія Андрухова. Кромѣ того, два мои шурина священники Кирилло и Алек. Полянскій съ сыномъ Несторомъ и его женою и ребенкомъ. Свящ. Курилло перешелъ въ пятый баракъ къ своему шурина, свящ. Мохнацкому, а за нимъ потянулся и я и жилъ здѣсь до марта 1915 г.

Упомянутыя выше женщины арестованы послѣ перваго отступленія русской арміи.

Внутренняя жизнь въ баракахъ.

Главнымъ несчастьемъ интернированныхъ были насѣкомыя. Тутъ разводилась особая порода вшей, назван. стирійскими. Было ихъ

невероятное множество и борьба съ ними была главнымъ содержаніемъ нашей тюремной жизни. Солома мѣнялась очень рѣдко. Еще въ гангарахъ насѣкомыхъ собиралъ однажды врачъ въ флакончикъ и отослалъ властямъ, какъ доказательство невозможности жизненныхъ условій въ Талергофѣ.

Насъ назначали на разныя работы, н. пр. подметать улицы между бараками, собирать руками лошадиный пометъ, при томъ не дѣлалось малѣйшей разницы между рясой священника, сюртукомъ мірскаго интеллигента и сѣракомъ крестьянина. Въ Судный день солдаты запрягли еврея къ черной работѣ. Наклали полную тачку муссора, на него посадили священника В. Полянскаго и такимъ образомъ, везъ еврей тачку. Обрато священ. В. Полянскій везъ еврея. Издѣвательствамъ не было конца, всѣхъ ихъ и не вспомнишь. Запрещено курить и читать газеты. Скуку прогоняли истребленіемъ насѣкомыхъ, которыя кажется были главной причиной распространенія эпидеміи тифа.

Въ началѣ декабря перегнали весь народъ въ бараки второго и третьяго десятковъ. Въ одинъ холодный день стража рѣшила вымыть въ банѣ 500 человекъ, изъ которыхъ половина простудилась. Не смотря на болѣзнь, наряжали народъ на работы. Къ вечеру возвращались всѣ усталые и мокрые отъ переутомленія и такъ ложились спать, а подъ утро трудно уже было подняться съ постели. Эпидемія свирѣпствовала до конца марта 1915 года. Къ этому времени умер-

ло 1350 человекъ. Присмотра за больными не было, а въ баракахъ трудно было помѣстить больныхъ, ибо ежедневно заболѣвало 600-800 человекъ. Двое лагерныхъ врачей и третій интернированный д-ръ Дорекъ, заразившись, умерли. Присланный военный врачъ, боясь заразы, лѣчилъ издали. Мой баракъ былъ изолированъ въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ. Нельзя было показаться во дворъ. Всѣ мои прихожане переболѣли, но всѣ выздоровѣли, за исключеніемъ четырехъ изъ села Руденки. За это время построено обширную баню, лазаретъ, аптеку, перестроено бараки, роздано новую одежду, одѣяла, дезинфицировано еженедѣльно всѣ наши вещи и такимъ образомъ постепенно эпидемія прекратилась. Въ эту зиму пищи было достаточно, но люди по болѣзни плохо кушали. Заплѣснѣвшій хлѣбъ бросали въ печку.

Начало освобожденій.

Въ Талергофѣ было до 7000 человекъ интернированныхъ. Между ними были также украинофилы, поляки и евреи. Они попали сюда вопреки желанію австрійскихъ властей, по ошибкѣ. Провидѣніе хотѣло, чтобы и украинофилы присмотрѣлись тому же аду, который они совместно съ австрійскими жандармами приготовили русскому народу. Украинская интеллигенція старалась еще въ началѣ при содѣйствіи своихъ депутатовъ въ Вѣнѣ освободиться изъ Талергофа, что ей частично удалось, ибо уже въ ноябрѣ 1914 года выпущено многихъ изъ нихъ на волю. Однако эпидемія

прекратила дальнѣйшія освобожденія. Благонадежныхъ изъ интернированныхъ списывалъ украинофиль свящ. Степанъ Макаръ. Кто попалъ въ его списокъ, надѣялся на освобожденіе. А попало въ него немало слабодушныхъ русскихъ, поселенныхъ послѣ освобожденія между мѣстными швабами. Такимъ образомъ освобождали въ Талергофѣ

можно было жить довольно прилично. Всѣ 120 коронъ расходовались на съѣстные продукты. Приходъ терезинцевъ оживилъ Талергофъ. Пополнился талергофскій хоръ, разсѣивавшій пѣніемъ скуку. Въ Талергофѣ было много интернированныхъ женщинъ и барышень. Теперь онъ былъ похожъ, особенно въ теплые дни, на курортъ.

У воротъ лагеря.

мѣсто для прибывающихъ изъ Терезина. Изъ моихъ прихожанъ освобождено всѣхъ женщинъ къ концу августа 1915 года.

Терезинскій транспортъ.

Въ первыхъ дняхъ мая 1915 года привезено изъ Терезина около 800 человекъ интеллигенціи и размѣщено въ баракахъ второго и третьяго десятка. Приѣхало также двое моихъ сыновей: Романъ, студентъ ветеринарнаго института, и Евстахій, студентъ-юристъ. Я зажилъ новой жизнью. На жалованье, получаемое мною съ марта мѣсяца,

Богомольный народъ вначалѣ устраивалъ общія моленія по баракамъ или на улицѣ подъ бараками. Также по баракамъ исповѣдывали интернированные священники искавшихъ утѣшенія въ религіи и причащали умирающихъ. Больше всѣхъ положилъ трудовъ въ этомъ отношеніи о. Владиміръ Венгриновичъ, спѣшившій съ духовной помощью къ заразнымъ больнымъ и съ разрѣшенія властей сопровождавшій покойниковъ на мѣсто вѣчнаго покоя подъ соснами. Если умеръ священникъ, тогда покойника клали подъ баракомъ и, послѣ совершенія

обрядя іерейскаго погребенія, отправляли на кладбище. Хоръ изъ опредѣленнаго количества мірянъ сопровождалъ покойниковъ, иногда по билетамъ. Почти всѣ священники священодѣйствовали безъ ризъ, ибо ихъ вначалѣ не имѣлось. Когда лагерная администрація отдала интернированнымъ часовенку, назначено въ сентябрѣ 1915 настоятелемъ лагернаго прихода вольнаго священника о. Ярослава Карпяка. Священникамъ-узникамъ разрѣшалось священнодѣйствовать ежедневно съ 5 ч утра до 12 дня. Ставали къ обѣднѣ соборнѣ по три, а когда позже получились ризы, тогда и по восьми, дѣлая между собою сборъ на литур. вино и на оплату псаломщикамъ. По смерти о. Ярослава его мѣсто занялъ интернированный священникъ безъ права проповѣди. Иногда пріѣзжалъ сюда грек-кат. священникъ изъ Вѣны.

Въ отсутствіе законнаго священника, т. е. послѣ смерти о. Карпяка, покойниковъ кропили священной водой подъ бараками, а затѣмъ уже безъ священника несли на кладбище.

Наборъ рекрутъ въ Талергофѣ.

Военныя власти назначили надзирателями для cadaго десятка бараконъ трехъ офицеровъ лейтенантовъ. Между ними былъ мазепинець Чировскій. Онъ слѣдилъ за поведеніемъ русскихъ людей, въ особенности студенческой молодежи. Онъ доложилъ военнымъ властямъ, что лагерное заключеніе является для молодежи благодѣяніемъ, а лучшимъ наказаніемъ для нея явится военная служба на по-

зиціи. Представленіе Чировскаго понравилось властямъ и въ іюлѣ 1915 г. устроили къ набору рекрутовъ. Взято на службу всѣхъ студентовъ и крестьянъ. Во время набора спрашивали cadaго, какой онъ національности. Каждый отвѣчалъ „Russe“. До обѣда комиссія вовсе не обращала на это вниманія. Во время обѣда Чировскій по всей вѣроятности обратилъ вниманіе комиссії, что въ Галичинѣ нѣтъ „Russen“ только „рутены“ или „украинцы“, потому одинъ изъ полковниковъ, членовъ комиссії, сказалъ во время продолжающагося набора: „in Galizien gibt's keine Russen“. Это не смутило студентовъ, они диктовали дальше: „Muttersprache-russisch“. Это до того разозлило начальство, что оно распорядилось запереть въ „Einzelarest“ всѣхъ студентовъ, стававшихъ къ набору до обѣда, считая ихъ солидарность предумышленнымъ упорствомъ. Всѣхъ заперто 48 человекъ, между ними также моего сына Романа. Имъ угрожалъ военный судъ. Въ продолженіе мѣсяца удалось убѣдить все же „Militärkommando“ въ Градцѣ, что слово „ruthenisch“ искаженное выраженіе, имѣющее свое грамматическое начало въ словѣ „russisch“. Убѣждать военныя власти помогалъ намъ офицеръ полякъ Осташевскій, надзиратель втораго десятка бараконъ.

Наконецъ выпустили студентовъ изъ ареста, подвѣсивъ предварительно cadaго за руки на два часа на деревѣ (т. зв. „anbinden“). На военную службу взяли ихъ 10 ноября 1915 года.